

.« ... ну, погоди у меня!»

Казалось, это был голос из его снов, столь знакомый и желанный, что приводил его в дрожь.

Напряжение ушло, и лицо Фэй Ду постепенно расслабилось. А воображаемый запах сигаретного дыма окончательно убаюкал его, неумолимо погружая в сон. Однако перед тем как вновь потерять связь с реальностью, Фэй Ду подумал, как хорошо было бы удержать эту теплую руку, что заботливо прикрыла ему глаза. Но к великому сожалению юноши его собственные конечности оказались совершенно бесполезны: на одной руке была капельница, а другую же накрепко обездвигил гипс. Оставалось только сдаться.

Как только к Фэй Ду вернулось сознание, он будто бы снова нашел скипетр судьбы¹. Казалось, что в его душе выросла каменная гора-защитница, бесплодная и скалистая, крепкая и непоколебимая. Здесь ему не нужно было куда-то торопиться или испытывать волю к жизни. Таким образом Фэй Ду смог умело отмести все отвлекающие его мысли и бросить все силы на восстановление своего почти что совсем истощенного организма. Всякий раз во время сна он «заряжал свои батареи», а после пробуждения прогресс в его выздоровлении был виден невооруженным взглядом.

Конечно же, огромную роль в этом сыграла «забота» Ло-шисюна.

Этот человек бахвалился, что собственноручно выхаживал Фэй Ду, но на самом деле всю работу выполняли санитары.

Ежедневная задача Ло Вэньчжоу состояла лишь в том, чтобы приходить к пациенту в палату и есть три раза в день, а после праздно смотреть баскетбольные матчи и кулинарные шоу по телевизору. Однако он немедленно уходил, как только замечал, что обессиленный Фэй Ду засыпал.

Больше всего раздражало, что каждый раз во время еды он специально садился так, чтобы сквозняк от окна разносил аппетитный аромат супа из свиных ребрышек по всей палате. В довершение ко всему по телевизору показывали процесс приготовления шипящего сочного бифштекса. Так что Фэй Ду, который в данный момент не сильно отличался от окоченевшего трупа, не способного ни говорить, ни двигаться, был окружен восхитительными запахами и пленительными звуками. Юноша в полной мере ощутил на себе, что значит плата черной неблагодарностью за добро.

Фэй Ду, находившийся под капельницей с физраствором, молча воззрился на Ло Вэньчжоу.

Капитан встретил его пристальный взгляд, казалось, вовсе не замечая в нем молчаливого упрека. Вместо этого он выдал небольшую словесную тираду:

— Моя мама сварила не суп из свиных ребрышек, а какую-то хрень. Я все время говорю ей, что с ее посредственными кулинарными навыками мясо нужно тушить в соевом соусе, но она меня

не слушает. Говорит, что тушеное в соевом соусе мясо вредно для здоровья, а бульон должен быть прозрачным. Смотри, приправу добавили не вовремя, количество соли тоже не то, что уж говорить о температурном режиме. Если попробовать скормить этот суп коту, он просто возьмет и закопает его.

Затем, не переставая ворчать, на глазах у Фэй Ду он осушил половину миски за один присест.

Фэй Ду:

— ...

Ло Вэньчжоу обменялся с ним долгим взглядом, как будто вдруг что-то вспомнил, и наклонился вперед:

— Почему ты уставился на меня? Хочешь есть?

Фэй Ду легонько моргнул, глядя на него.

Без всяких колебаний Ло Вэньчжоу отправил в рот последний кусок свиного ребрышка:

— Назовешь меня «Гэ», и я побалую тебя чем-нибудь лакомым.

Фэй Ду:

—...

На самом деле его совсем не интересовал суп из свиных ребрышек. Он просто думал о том, что за Ло Вэньчжоу было очень интересно наблюдать. Этот господин в одиночку мог наделать столько же шума, сколько целая сотня человек. Стоило ему появиться, как холодная и просторная больничная палата сразу же оживилась.

Закончив трапезу, Ло Вэньчжоу не стал беспокоить санитаров. Хромая, он сам убрал посуду и палочки для еды, а затем, словно воришка, украдкой выглянул наружу. Поскольку медицинский персонал, похоже, пока не собирался возвращаться, он быстро закрыл дверь и прошмыгнул к койке Фэй Ду:

— Я собираюсь нарушить дисциплину, но ты никому об этом не рассказывай, понял?

Фэй Ду окинул себя критическим взглядом и с особой ясностью осознал, что на его искалеченном теле не было и сантиметра для «нарушения дисциплины». После этого он несколько выжидающе посмотрел на Ло Вэньчжоу, надеясь научиться у своего шисюна

какому-нибудь новому способу развлечения.

... Затем он увидел, как Ло Вэньчжоу достал откуда-то маленькую баночку с медом.

«О», — отстраненно подумал Фэй Ду.

На самом деле он был не из тех людей, что не могли прожить без изысканной еды.

— Совсем чуть-чуть, — Ло Вэньчжоу понизил голос и, словно торговец опиумом, сказал: — Я просто дам тебе немного попробовать, и все.

Сказав это, он налил несколько капель меда в крышку от банки и добавил немного воды, чтобы растворить его. Вслед за тем он обмакнул в подслащенную воду ватную палочку и осторожно провел ею по обескровленным губам Фэй Ду.

И хотя Фэй Ду почувствовал, что подобное «нарушение дисциплины» не оправдало его ожиданий, все же он уважил капитана и аккуратно облизнулся, подумав про себя: «мед из нектара японской софоры».

В то же время его взгляд скользнул по мужчине перед ним. Было видно, что Ло Вэньчжоу немного похудел. Ведь очевидно, что несколькими кусочками свиных ребер не исцелить столь серьезные травмы. Мужчина не мог полностью опереться на свою раненую ногу и держал ее на весу, из-за чего с трудом удерживал равновесие. Из-под закатанных рукавов его рубашки виднелись почти зажившие царапины; осталось лишь несколько неглубоких рубцов. А от манжет и воротника вблизи исходил запах стирального порошка, согретый теплом его тела.

«Наверняка этой теплой кожи очень приятно касаться», — вдруг подумал Фэй Ду. Он слегка прищурился, молча переключаясь в режим зверя в человеческом облике, и признал, что изможденное лицо Ло Вэньчжоу сейчас выглядит чрезвычайно волнующе.

Искалеченное тело не помешало похотливому президенту Фэю, который сейчас был не более чем моргающим живым трупом, несколько раз окинуть Ло Вэньчжоу внимательным взглядом и прийти к выводу, что капитан был куда аппетитнее ранее раскрытированного им супа.

Ло Вэньчжоу заботливо поил его водой, опасаясь, что ватная палочка причинит ему боль и, стараясь не расплескать липкую медовую воду повсюду. Он чуть не вспотел от одной единственной крышки с сиропом и поэтому вовсе не обратил внимания на спокойное, но слегка злонамеренное выражение лица некого буржуя.

— Слушай, как ты там оказался? Если бы ты просто спрятался за своей машиной, то самое большее отделался бы царапиной, — тихо сказал Ло Вэньчжоу, продолжая бездумно поить юношу водой. — Ты ведь всегда был профессиональным психопатом, мечтающим открыть центр по обучению идеальным убийствам? Почему же изменил себе и пожертвовал собой ради

спасения другого человека?

Фэй Ду едва заметно улыбнулся.

— Улыбаешься, чтоб тебя, — сказал Ло Вэньчжоу. — А я уже подумал, что твой «шедевр» вот-вот станет утраченным искусством. Я вставил его в рамку, которую купил пару дней назад, и собираюсь повесить его над кроватью.

Поначалу Фэй Ду несколько растерялся, не понимая, что имелось в виду под так называемым «шедевром».

Спустя некоторое время он вспомнил, что в тот день на собрании он нарисовал в своей записной книжке два портрета Ло Вэньчжоу. На одном капитан был серьезен и одет должным образом, в то время как на втором, более «раскованном» рисунке, наряд мужчины представлял собой... лишь галстук.

Первый рисунок великий капитан Ло впечатал в грудь художнику, а второй прямо на месте конфисковал.

Фэй Ду невольно представил себе этот портрет, висящим над кроватью, и восхитился толстокожестью Ло Вэньчжоу. Юноша подсознательно поджал губы, отчего капелька воды скатилась с них. Ло Вэньчжоу быстро протянул руку, чтобы вытереть ее...

По стечению обстоятельств в тот момент Фэй Ду облизнулся, коснувшись кончиком языка его руки. Оба мужчины одновременно замерли.

И прежде чем Ло Вэньчжоу успел опомниться, ненасытный² Фэй Ду обвел языком кончик пальца капитана, нарисовав полукруг на подушечке его пальца.

Ло Вэньчжоу:

— ...

Казалось, Фэй Ду было все нипочем, он не спеша отозвал магию своих уст и спокойно посмотрел на Ло Вэньчжоу. В уголках его глаз, увеличившихся в последние дни из-за резкой потери веса, появился намек на полуулыбку. Это был тот самый взгляд «президента Фэя», некогда доставивший Ло Вэньчжоу много головной боли.

Хотя юноша не издал ни звука, Ло Вэньчжоу прочитал его слова по глазам: «Как только назовешь меня «Гэ», обещаю, я побалую тебя чем-нибудь лакомым».

Среди всех тяжелораненых пациентов в мире, способных лишь слегка двигать лицевыми

мышцами, Фэй Ду мог бы выиграть чемпионат по «непристойному поведению».

На мгновение Ло Вэньчжоу утратил бдительность, совершенно недооценив врага. Облизанный палец капитана слегка онемел, тело обдало жаром, а в горле нестерпимо запершило:

— Ты...

Как раз в этот момент в его кармане завибрировал телефон:

— ... ну, погоди у меня!

Услышав это, Тао Жань на другом конце провода немного растерялся:

— А? Чего подождать? Тебе сейчас неудобно разговаривать?

— Я говорил не тебе, — раздраженный Ло Вэньчжоу переключил телефон на громкую связь. Он ненадолго задумался и, так и не отпустив ситуацию, легонько шлепнул Фэй Ду по лбу. — Насколько мы продвинулись сегодня?

Даже сидя на больничном, отстраненный от работы капитан в свободное время контролировал работу группы уголовного розыска.

— Мы нашли запись о посылке, полученной Дун Цянем из-за границы, — сказал Тао Жань. — Это произошло как раз, когда Чжэн Кайфэн отправил свой первый «депозит». Адресом отправителя был пункт обмена валют нелегального частного банка подставной компании. Содержимое посылки было указано как «контракт». Тот «контракт» Дун Цянь хранил в двух экземплярах на складе автопарка тайно, потому никто из его коллег не знал, кому принадлежали вещи в том ящике. Чтобы найти его, нам пришлось попросить согласие управляющего и сотрудников, хранивших там вещи, и тщательно все обыскать. Контракт представлял собой «Доверенность на иностранные инвестиции», написанную на английском языке. Вероятно, Дун Цянь не понимал, что это, поэтому не отправил его Дун Сяоцин вместе со всем остальным.

Многие зарубежные нелегальные частные банки работают под видом ломбардов и пунктов обмена валют. Незаконно полученные деньги многократно переходят из рук в руки в их подпольной сети, затем, депонируются в банке на имя какой-либо организации, опять же под видом «инвестиции». Они обмениваются на некоторые активы и после нескольких подтасовок отмываются и «законно» возвращаются в руки своих владельцев.

За убийство Чжоу Цзюньмао Чжэн Кайфэн выплатил водителю грузовика Дун Цяню две суммы. Неожиданное вмешательство полиции спугнуло отправителя, и последний платеж не прошел. Однако к тому времени они уже отчистили след депозита. Эти деньги перевели из компании Чжэн Кайфэна за границу, где они прошли через нелегальный частный банк и были отмыты

дочиста. Процесс был практически завершен. Если бы этот заговор не раскрылся, через некоторое время Дун Сяоцин возможно получила бы неожиданный инвестиционный доход и зажила бы в достатке, ни о чем не догадываясь.

Хотя семья Дун Цяня не процветала, бедной она тоже не считалась. Вовсе необязательно, что простые добросовестные люди, никогда не видевшие подобного богатства, обрадуются ему. Подобная внушительная сумма не вызвала бы у них приступ алчности, ведь в глубине души они бы понимали, что это грязные деньги. Думаю, они бы так и не нашли им применения. Так почему же Дун Цянь согласился добровольно расстаться с жизнью?

— Что еще находилось в анонимном хранилище на складе? — спросил Ло Вэньчжоу.

— Там была фотография покойной жены Дун Цяня и стоящий на коленях бумажный человечек, на затылке у которого было написано имя Чжоу Цзюньмао. Такие фигурки обычно сжигают для мертвых, — сказал Тао Жань. — Мы обошли все ритуальные магазины в окрестностях, и в одном из них владелец узнал этого бумажного человечка. Его изготовили на заказ за месяц до автомобильной аварии Чжоу Цзюньмао. Также он нашел счет, подпись и контактная информация в нем действительно принадлежали Дун Цяню. Поскольку коленапреклоненный человечек был очень странным, владелец магазина заподозрил, что заказчик занимается каким-то злым колдовством, и это произвело на него очень сильное впечатление. К тому же он весьма точно описал физические характеристики Дун Цяня.

— Я попытался восстановить порядок событий. Жена Дун Цяня погибла в автокатастрофе двадцать один год назад. Все эти годы он в одиночку воспитывал дочь, не ведая правды о смерти супруги. И вдруг однажды к его двери пришел таинственный курьер, доставивший ему загадочную посылку, внутри которой раскрывается вся правда.

— Когда Дун Цянь отошел от шока, он начал общаться с этим загадочным отправителем. Он притворился, что совершает покупки в Интернете, постоянно покупая и возвращая вещи. На самом же деле, через курьера он связывался с человеком, который прислал ему доказательства и предложил сотрудничество.

— Дун Цяня не заботило, какую сумму он мог получить. Оборот этих грязных денег за границей был для него слишком сложен. Должно быть, он помышлял только о мести и даже не собирался просить кого-то перевести тот сложный капитальный договор. Чжэн Кайфэн не показывался на протяжении всего процесса, полностью скрыв свою роль в старом деле. Вероятно, он даже заказал убийство Чжоу Цзюньмао, назвавшись именем Чжоу Хуайцзиня. Вот почему, узнав часть правды, Дун Сяоцин рискнула напасть на Чжоу Хуайцзиня.

— Тогда как ты объяснишь ту посылку, отправленную Дун Цяню перед смертью? — спросил Ло Вэньчжоу.

— Я предполагаю, что ее отправил сам Дун Цянь, — сказал Тао Жань. — Хотя целью Дун Цяня была месть, все же в этом деле были задействованы довольно большие деньги, которые позже поступили на счет его дочери. Если бы Дун Сяоцин ничего не знала, такая сумма напугала бы

ее до смерти. Однако он просто не ожидал, что характер девушки окажется таким жестким.

Ло Вэньчжоу все еще хмурился:

— В таком случае, как думаешь, кто сбил Дун Сяоцин?

— Ты помнишь камеру наблюдения над дверью соседней квартиры? — сказал Тао Жань. — Ты, что сняла поджигателя. Наши техники обнаружили, веб-хостинг камеры безопасности был взломан, и кто-то следил через нее за квартирой Дун Цяня.

1. Скипетр Судьбы — оружие, используемое Ночным Вестником в онлайн-игре Dungeons and Warriors (DNF).

2. 得寸进尺 - dé cùn jìn chǐ - получив цунь, продвинулся на чи обр. в знач.: ненасытный, алчный, руки загибающие; сколько ни дай, ему все мало; жадничать, зарываться ср. дай ему палец - всю руку отхватит.

<http://bllate.org/book/12932/1135172>